

Некоторые актуальные проблемы изучения древнерусской литературы

Исследование древнерусской литературы, с одной стороны – наиболее «традиционная» область литературоведения, методы и принципы которой начали формироваться еще в позапрошлом веке Ф.И. Буслаевым, А.Н. Веселовским, А.Н. Пыпиным и др. и окончательно оформились в основных своих чертах к середине XX столетия в трудах Н.К. Гудзия, Д.С. Лихачева, А.М. Панченко, В.В. Кускова, А.Н. Робинсона, А.С. Орлова, И.П. Еремина и мн. др. Подходы к изучению древнерусского литературного материала, сложившиеся в результате всех этих исследований, характеризуются, прежде всего, историчностью (недаром существовали и продолжают существовать комплексные историко-филологические проекты по изучению отдельных памятников, например, «Слова о полку Игореве»; большой удельный вес в общем объеме работ по истории древнерусской литературы имеют труды историков: А.А. Шахматова, Б.А. Рыбакова, И.Н. Данилевского, А.Л. Юрганова и др.), а также комплексностью лингвистического и литературоведческого подхода (отметим, например, общеизвестный вклад в изучение отдельных памятников древнерусской литературы таких видных лингвистов, как В.В. Виноградов или А.А. Зализняк). Исследование древнерусской литературы в таком традиционном понимании базировалось, прежде всего, на текстологии памятника, поэтому на протяжении XIX-XX вв. в научный оборот было введено огромное количество текстов, представляющих самые разнообразные жанры и темы; в этом направлении медиевистика продолжает развиваться и сейчас (из последних работ стоит отметить труды М.С. Крутовой, И.В. Дергачевой, А.В. Пигина и др.). В процессе подготовки рукописного текста к изданию, а также на базе уже опубликованных или пока еще остающихся в рукописях памятников формировались основные научные концепции и складывались ведущие современные школы медиевистов.

С другой стороны, сейчас уже отчетливо видно, что в медиевистике совершился качественный переход от накопления фактов и попыток их первоначального обобщения к появлению принципиально новых, отличных от традиционных, подходов к истории древнерусской литературы. Не претендуя на исчерпывающую полноту, сосредоточимся на некоторых вопросах, которые кажутся нам наиболее актуальными в последнее время.

Прежде всего, это вопрос о правомерности и репрезентативности устоявшегося и традиционного представления об истории древнерусской литературы как о линейном процессе, подчиняющемся общей логике исторического развития Русского государства и имеющем отчетливую динамику. С одной стороны, медиевистика не выпадает и из общих проблем современной литературоведческой науки, в которой, как известно, в настоящее время наблюдается отчетливый кризис историзма. Вся чаще встречаются утверждения, аналогичные опубликованному в НЛЮ в 2003 году: «...кризис литературной истории как научного жанра продолжается не менее трех десятилетий. Во многом этот кризис — часть общего кризиса историографии. Хотя история литературы и раньше была крайне ненадежной областью исторического знания, на ней не могла не сказаться проблематизация истинностных претензий историографического дискурса вообще»¹. В медиевистике же ситуация осложняется ещё и тем, что, как известно, существовавшие в советское время периодизации истории древнерусской литературы в основном базировались на этапах, которые выделялись в русской истории (период Киевской Руси, период феодальной раздробленности, период борьбы с татарским нашествием, период формирования централизованного государства и т. д.). Попытку выйти за пределы этой жесткой связи литературных явлений с фактами гражданской истории предпринял сначала Д.С. Лихачев со своей концепцией «стилей эпохи» (стиль монументального историзма, эпический стиль, риторико-панегирический стиль, стиль идеализирующего биографизма и т. д.), а впоследствии — А.Н. Ужанков, положивший в основу предлагаемой им периодизации эволюцию средневекового христианского мировоззрения и выделявший в истории древнерусской литературы пять стадий (стадия мировосприятия, стадия мирозерцания, стадия миропонимания, стадия миропостижения и стадия миропредставления). По мнению исследователя, стадия мировосприятия характеризуется религиозно-символическим методом и охватывает хронологический период XI – XII в.; на стадии мирозерцания (XIII – первая половина XIV в.) осуществляется переход от идеалистического мышления к прагматическому, и, соответственно, от религиозно-символического метода к религиозно-прагматическому; стадия миропонимания (вторая половина XIV – до 90-х годов XV в.) уже характеризуется религиозно-прагматическим методом; стадия миропостижения (с 90-х годов XV в. до 40-х годов XVII в.) – религиозно-рационалистическим методом; наконец, «в переходный период от средних веков

к Новому времени, начавшийся в 40 годы XVII в. с секуляризации и обмирщения сознания, происходит деление единого метода на два самостоятельных: метод познания и собственно “художественный метод” изображения действительности, основанный на авторском обобщении, типизации и вымысле.

Мировоззренческие, социально-экономические, общественно-политические и литературные явления формируют на определенных хронологических отрезках устойчивые литературные формации.

Три первые стадии (с XI в. до 90-х годов XV в.) характеризуются религиозным способом познания бинарного мира. Высшая форма познания – теофания (греч. Богоявление). Они составляют теоцентрическую формацию. Двум другим <...> присущ рационалистический способ познания мира. Стадия миропостижения (с 90-х годов XV в. до 40-х годов XVII в.) формирует антропоцентрическую формацию. Стадия миропредставления (с 40-х годов XVII в. по 30-е годы XVIII века) соответствует эгоцентрической формации.

В процессе развития средневекового мировоззрения XI – первой трети XVIII в. поступательно формируются и три типа художественного сознания древнерусских писателей (книжников): теоцентрическое, антропоцентрическое, эгоцентрическое. Они соответствуют трем литературным формациям»².

Однако исследователям древнерусской литературы на практике приходится постоянно сталкиваться с ситуациями, наглядно свидетельствующими о том, что время создания памятника не являлось его главной характеристикой в сознании древнерусских читателей, что тексты делились скорее, не на «старые» и «новые», а на правильные и неправильные, полезные и «неполезные», функциональные и нефункциональные и т. д. При этом первые продолжали сохраняться в рукописной традиции и переписывались на протяжении последующих веков, а вторые в силу своей невостребованности могли полностью утрачиваться. И такая ситуация продолжала сохраняться достаточно долго, недаром большое количество древнерусских памятников сохранилось в списках XVIII в., когда продолжают довольно активно переписываться «Александрия» и «Повесть об Акире Премудром», «Слово о Вавилоне» и «Повесть о Варлааме и Иоасафе», «Повесть о взятии Царьграда турками» и «Повесть об иверской царице Динаре», «Сказание о Мамаевом побоище» и «Повесть о новгородском посаднике Щиле», а также целый ряд других текстов. В связи с этим в последнее время предпринимается целый ряд попыток противопоставить традиционной – хронологиче-

ской – истории древнерусской литературы историю тематическую или географическую. Остановимся на этих аспектах подробнее.

Работа в области создания тематической истории древнерусской литературы в течение нескольких лет велась авторским коллективом ученых филологического факультета МГУ и сектора древнеславянских литератур ИМЛИ РАН. В рамках проекта было создано учебное пособие нового типа³, в котором, вместо обычного выделения в истории литературы периодов, исторических этапов, и распределения по этим этапам литературного материала, авторы поставили перед собой цель проследить в ходе развития древнерусской литературы от ее появления до конца XVII (иногда – до самого начала XVIII) столетия эволюцию важнейших тем. Избранный подход – тематический, а не хронологический и не жанровый – позволяет избежать традиционного и не всегда оправдывающего себя построения излагаемого материала в рамках той или иной периодизации или в рамках тех или иных представлений о средневековой жанровой системе и конкретном наполнении отдельных ее составляющих. И по первому, и по второму вопросу в настоящее время ведется немало научных дискуссий. В связи с этим авторы учебников и учебных пособий традиционно оказываются перед практически неразрешимой проблемой: либо надо отражать полемические мнения по тому или иному вопросу, причем отражать в самом начале, пока учащиеся еще очень поверхностно представляют себе даже основные особенности самого предмета изучения; либо структурная организация книги может оказаться лишенной логики, а только лишь следовать определенной, сложившейся в прошлые (кстати, в идеологическом плане далеко не самые благоприятные для изучения древнерусской словесности) годы традиции. Вторым положительным моментом оказалась возможность более пристально проследить развитие той или иной темы в разновременных произведениях. Об интертекстуальности древнерусской литературы в научных кругах сказано уже многое, однако кажется необходимым обратить внимание на то, что книжное пространство древнерусской словесности пронизывают не только собственно текстовые связи, т. е. скрытые и явные цитации, но и связи надтекстовые, в том числе (а может быть, даже прежде всего) тематические.

Учебное пособие строится по главам, каждая из которых посвящена какой-то одной теме. Таких глав семь. Основное внимание во всех разделах уделяется анализу текстов (знакомство с их содержанием, идейно-семантическим подтек-

стом, поэтико-стилистическим своеобразием и т.д.). Первая – и наиболее обширная – глава посвящена произведениям на темы мировой и русской истории. В этот раздел вошли, разумеется, летописи и хронографы, как переводные (например, «Хроника Георгия Амартола»), так и оригинальные («Повесть временных лет», Киевская летопись, Галицко-Волынская летопись, «Степенная книга» и др.); исторические сочинения не всемирно-исторического, а более локального содержания («История Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Повесть о взятии Царьграда турками» Нестора-Искандера, «Слово о полку Игореве», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище», повести Смутного времени и др.); а также тексты, которые в традиционных историко-литературных курсах рассматриваются – с весьма существенными оговорками – в ряду житий, хотя и довольно специфических с точки зрения жанровой формы (например, «Повесть о житии Александра Невского»). Последовательный разбор этих произведений в пределах одного раздела позволяет актуализировать проблему влияний. Становятся более очевидными для читателя предметные связи между «Словом о полку Игореве» и Галицко-Волынской летописью, «Задонщиной», «Казанской историей», между «Повестью о разорении Рязани», «Повестью о взятии Царьграда» и опять же «Казанской историей», между «Повестью временных лет» и «Степенной книгой» и т. д. Кроме того, обращается внимание на изменение исторического сознания в разные исторические эпохи, на смену стилевых пристрастий историографов и т. д.

Во второй – также достаточно объемной – главе собраны произведения на житийные темы: переводная агиографическая традиция (цикл произведений о Николае Мирликийском, «Житие Алексия Человека Божия», «Житие Евстафия Плакиды», «Синайский патерик») и оригинальные памятники («Сказание о Борисе и Глебе», «Житие Феодосия Печерского», «Киево-Печерский патерик», «Житие Стефана Пермского», «Житие Сергия Радонежского», «Житие Иоанна Новгородского», «Житие Михаила Клопского», «Повесть о Петре и Февронии», «Житие Юлиании Осорьбиной» и др.). Глава органично заканчивается анализом «Жития» протопопа Аввакума – очевидно, что в рамках житийной темы этот текст оказывается гораздо более уместным, чем в рамках житийного жанра. Объединение этих произведений в один раздел позволяет читателю, как представляется, более подробно и детально представить себе, как от текста к тексту постепенно видоизменялись представления авторов о том, как должно повест-

водить читателю о святости (точно так же, как менялись представления и о самой святости).

В третьей главе рассматриваются произведения на религиозно-учительные и церковно-устроительные темы. Здесь основное внимание уделяется процессу проникновения на Русь византийской святоотеческой традиции и ее усвоения и творческого преломления в таких памятниках, как «Слово о Законе и Благодати» Илариона, «Слова» Кирилла Туровского, «Слова» Серапиона Владимирского и других проповедников. Здесь же рассказывается о произведениях, осмысляющих особую духовную (именно духовную, а не историко-политическую!) роль Русского государства в современном мире – таких, как «Хождение на Ферраро-Флорентийский собор» или «Повесть о новгородском белом клобуке», а также о текстах, в которых отражается церковная полемика (например, «Провосветитель» Иосифа Волоцкого).

В центре внимания в четвертой главе оказываются произведения на государственно-устроительные темы, т. е. тексты, в которых рассматриваются проблемы власти, образы идеального (или – напротив, антиидеального) правителя, анализируются различные системы государственного устройства и т.д. Глава начинается с «Поучения» Владимира Мономаха, соединяющего в себе целый ряд аспектов рассматриваемой темы, а продолжается и однозначно хвалебными («Слово похвальное инока Фомы Борису Тверскому»), и однозначно ругательными (письма Андрея Курбского Ивану Грозному), и неоднозначными в оценочном плане («Повесть о Дракуле») произведениями, а также трудами, идеологически нацеленными на регламентацию тех или иных сфер государственной жизни (такими, как «Домострой» или «Большая челобитная» Ивана Пересветова).

Пятая глава объединяет произведения на нравоучительно-мирские темы. Главным образом здесь рассматриваются различные сборники изречений и афоризмов (переводные «Пчела» и «Апофегмата», оригинальное «Моление» Даниила Заточника), диалоги («Прение живота и смерти»), а также новеллы, как дидактические (т.е. в большей степени нравоучительные: «Великое Зерцало», «Римские деяния»), так и развлекательные (т.е. скорее мирские: «Фацеции»).

В шестой главе сосредоточены произведения на естествоведческие и географические темы, так или иначе трактующие о мироустройстве, животном и растительном мире Земли, о неизвестных землях и странах и т.д. Здесь также

прослеживается определенная эволюция писательского взгляда на эти темы: описание мира в аллегорико-символическом плане, представленное «Шестодневах» и «Физиологах» сменяется удивлением перед многообразием мира в первых хождениях, а затем – все большей и большей детализацией и каталогизацией особенностей и диких чужих земель, характерной, скажем, для «Хождения за три моря» Афанасия Никитина.

Произведения на приключенческие и авантурные темы составляют содержание седьмой главы пособия. Здесь рассматриваются главным образом беллетристические памятники, собственно художественная древнерусская литература, как переводная («Александрия», «Повесть о Бове-королевиче», «Повесть о Еруслане Лазаревиче», «Повесть о Петре Златых Ключей», «История семи мудрецов»), так и оригинальная («Повесть о Тимофее Владимирском», «Повесть о Горе-Злочастье», «Повесть о Савве Грудцыне», «Повесть о Фроле Скобееве»). Все эти произведения анализируются с точки зрения тяготения к приключенческой или авантурной жанровой форме, особенности которой выделяются и обособляются.

Объем учебного пособия – около 40 п.л. Он продиктован опять-таки поставленной задачей: изложенный по тематическому принципу материал не может быть искусственно ограничен волей исследователя; тема диктует свои законы и эволюция прослеживается только при определенном – причем, достаточно большом – количестве рассмотренных памятников. В рамках работы над проектом состоялась серия заседаний Общества исследователей Древней Руси, посвященных обсуждению отдельных написанных разделов. На заседания приглашались все заинтересованные лица, в том числе и студенты некоторых московских вузов. Возможно, что со временем будут появляться и другие альтернативные и нетрадиционные подходы к систематизации древнерусского литературного материала как в учебно-педагогических, так и в научно-исследовательских целях.

С новой и весьма оригинальной идеей создания интерактивной литературной карты Древней Руси недавно выступил профессор МГУ А.А. Пауткин, отметивший, что «исследователю и преподавателю, систематизирующему факты научной жизни XI-XVII вв., так или иначе необходима еще одна ось координат, заложенная в самом предмете, ось уже не хронологическая, а пространственная»⁴. По аналогии с географическими так наз. анаморфированными картами,

порождёнными тем временем, когда эпоха географических открытий осталась уже далеко позади, учёный предлагает использовать и в медиевистике «своеобразные анаморфозы, суммирующие один или несколько задаваемых показателей (число относящихся к региону оригинальных текстов, статистика рукописей, их жанровый состав, характер взаимодействия с фольклором и т. д.). <...> “Литературная карта” может иметь различный масштаб и специализацию, давать синхронный срез или совокупную картину. На ней наглядно проявятся свои изолинии, динамика перемен. Она станет носительницей пространственной истории текстов, дополнением к существующим системам периодизации»¹.

Предлагаемая идея сулит достаточно заманчивые перспективы создания со временем гипертекстовой нелинейной базы данных. Работа над этим проектом могла бы в перспективе вестись в тесном сотрудничестве литературоведов, историков языка, диалектологов, фольклористов, текстологов, специалистов по церковной и гражданской истории, исторической географии, лингвогеографии, а также в области компьютерных технологий.

Еще одна довольно актуальная проблема касается хронологических границ древнерусской литературы. Как известно, не совсем однозначно решаются даже такие вопросы, как определение начала и конца эпохи древнерусской словесности. Обнаружение в 2000 г. новгородской археологической экспедицией так называемого Новгородского Кодекса, первоначально чуть не датированного концом X в. (сейчас, после более тщательного исследования памятника, указывается более «осторожная» дата – первая четверть или первая треть XI в.) чуть было не сняло издавна существующую в науке проблему, каким веком, X или XI, следует начинать историю древнерусской литературы. И в данном случае, как представляется, дальнейшее развитие науки и последующие археологические достижения все-таки приведут к снятию этого вопроса в пользу более ранней даты.

Гораздо сложнее и интереснее обстоит дело с вехой, гораздо более близкой к нам, – с вопросом, когда «заканчивается» период древнерусской литературы. История науки и преподавания в данном случае представляет собой довольно последовательное поступательное движение от более ранних к все более поздним датам: сначала рубежом считался XVI в, потом – середина XVII в., еще

¹ Там же. С. 89-90.

позже – конец XVII в. или даже первая треть XVIII в.; таким образом, можно сказать, что за два с лишним века изучения древнерусской литературы она сама «приблизилась» к нам по меньшей мере на 130 лет. Однако совершенно очевидно, что в среде демократических читателей на протяжении всего XVIII столетия ведется активная работа по переписыванию, компилированию и созданию новых текстов (по большей части, светского содержания), опирающихся на древнерусскую традицию; что продолжением этой самой древнерусской традиции (причем тоже на уровне не только воспроизведения старых, но и порождения новых текстов) следует считать пласт старообрядческой литературы, известной не только на протяжении XVIII, но и в XIX, а в некоторых регионах и в XX в.; наконец, что в русле древнерусской литературной традиции (по крайней мере, отчасти) находятся такие факты современной культурной действительности, как церковные проповеди и жития новопрославленных святых.

В связи с этим методы и принципы исследования древнерусской литературы распространяются в последнее время на совершенно новый круг текстов, которые в силу своего «позднего» появления ранее внимания медиевистов не привлекали. Одним из перспективных направлений в современной медиевистике можно считать исследование бытования древнерусских традиций в XVIII – XX (и даже XXI) веках. При том, что интерес к этим вопросам – отнюдь не новое течение в науке, все же, как представляется, на сегодняшний день здесь все еще довольно много неизученных явлений и сфер. Убедительным доказательством этого, на наш взгляд, может служить цитата из одной недавно вышедшей монографии: «Задача нашего исследования – показать, что средневековая топка не оказалась выморочной в литературе Нового времени»⁵.

Можно выделить два основных русла, в которые вливаются все основные исследования, посвященные рассматриваемому вопросу. Во-первых, это работы, в которых ученые обращаются к тем или иным случаям использования тем, сюжетов и мотивов древнерусских произведений в литературе более позднего времени. Примерами наиболее полных исследований такого рода можно считать монографии Г.Н. Моисеевой «Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века» (Л., 1980) и О.А. Державиной «Древняя Русь в русской литературе XIX века. (Сюжеты и образы древнерусской литературы в творчестве писателей XIX века.)» (М., 1990), в которых подробно проанализировано отражение в русской литературе XVIII –

XIX вв. исторических событий из эпохи Киевской Руси, темы татаро-монгольского нашествия, Куликовской битвы, а также использование писателями образов отдельных исторических деятелей (Ивана Грозного и др.). Целый ряд более частных работ посвящен отдельным аспектам рассматриваемой темы (например, исследования Ю.В. Стенника об отражении древнерусской истории в трагедиях русского классицизма или о наличии традиций силлабической книжной поэзии и демократической сатиры второй половины XVII столетия в сатирах Кантемира и под.). При этом важно отметить также и тот факт, что литература XX века пока еще не получила общего обзора с такой точки зрения, несмотря на то, что отдельные аспекты этой проблемы исследованы достаточно полно и подробно. Но все-таки работы такого рода, строго говоря, не совсем подпадают под определение трудов, посвященных «древнерусской литературе после древнерусской литературы», поскольку в качестве главного объекта научного внимания выбирают все-таки литературу нового времени, это взгляд «отсюда», из «сегодня» в прошлое, взгляд, в котором преобладает все-таки «здесь и сейчас».

Отдельная проблема в недрах этой темы – использование писателями Нового времени древнерусских жанровых канонов. Одна из последних работ, посвященных этому вопросу, – вышедшая в конце 2007 года монография А.В. Растягаева «Агиографическая традиция в русской литературе XVIII в. (Кантемир, Тредиаковский, Фонвизин, Радищев)» (Самара, 2007). Предметом наиболее пристального внимания исследователя оказываются «Житие Квинта Горация Флакка» А.Д. Кантемира, «Житие канцлера Франциска Бакона» В.К. Тредиаковского, «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях», «Жизнь графа Никиты Ивановича Панина» и «Рассуждение о суетной жизни человеческой (на случай смерти князя Потемкина-Таврического)» Д.И. Фонвизина и «Житие Федора Васильевича Ушакова» и «Житие Филарета Милостивого» А.Н. Радищева, однако во вступительной части дается общий обзор древнерусской житийной традиции и особенное внимание уделяется «Житию протопопа Аввакума» как тексту, в котором, с одной стороны, суммируются достижения и подводятся некоторые итоги средневековой агиографии, а также – в результате переосмысления ряда структурных компонентов житийного канона – закладываются новые возможности для бытования жанра в литературе Нового времени. Основной вывод, который делает исследователь, заключается в

том, что «в автобиографических (хотя скорее всего имеются в виду вообще биографические. – *А.А.*) произведениях писателей XVIII в. различным образом воспроизводится структурный инвариант средневекового жития. Его контаминация с античной и западноевропейской биографической традицией привела к появлению разновидности светского жития в русской литературе Нового времени»⁶.

Связующим звеном между этим руслом и вторым, в рамках которого исследователи рассматривают продолжение бытования собственно древнерусских форм книжности в XVIII–XXI вв., может служить тема обращения к древнерусским произведениям писателей Нового времени (причем здесь речь идет не об обращении к отдельным темам и сюжетам, а именно о литературных пересказах древнерусских произведений во всей их целостности). В XVIII столетии Екатерина II создала оригинальную редакцию Жития преподобного Сергия Радонежского, А.Н. Радищев – вариант «Жития Филарета Милостивого»; в XIX веке это прежде всего сказы Н.С. Лескова, в XX – А.М. Ремизова и др. Как представляется, при наличии довольно большого количества частных – хотя подчас и чрезвычайно фундаментальных – исследований, эта тема еще не получила должного обобщения в науке.

Что же касается собственно древнерусской книжной традиции, общеизвестно, что она продолжала сохраняться в России достаточно долго – разумеется, речь идет о периферии литературной системы. В настоящее время, пожалуй, особо пристальное внимание исследователей привлекает литература старообрядческая. В качестве примера необходимо упомянуть двухтомное исследование Е.М. Юхименко «Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература» (М., 2002), недавно дополненное двухтомником, в котором предпринято издание значительной части творческого наследия Выговской литературной школы (Е.М. Юхименко «Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития». М., 2008) . Основное внимание исследовательницы сосредоточено на основах и традициях культурного строительства и духовной жизни крупнейшего в России старообрядческого центра – Выговской пустыни – и на влиянии этих традиций и основ на литературу старообрядцев. Говоря о специфике «выговского культурного феномена», Е.М. Юхименко отмечает, что «он не ограничивается только продолжением древнерусских, дониконовских традиций. В некоторых отношениях образцом для выговцев служила и пышная барочная культура второй половины XVII в. < ... > Требуют подробного

рассмотрения и связи Выга с литературной культурой Петровской эпохи»⁷. Таким образом, здесь идет речь о преемственности не отдельных образов, героев, стилистических приемов и т. п., а литературной традиции в целом, и литературной традиции именно древнерусской.

Старообрядчество, впрочем, – наиболее очевидная среда бытования старого типа словесности, продолжавшего свое существование «после конца» древнерусской литературы. Приверженцы дониконовского обряда на протяжении как минимум двух с половиной столетий не просто хранили, но и создавали памятники, ориентированные на древнерусскую литературную систему. Поэтому правильно, хотя это и не всегда делается, начиная с XVIII в., выделять в истории русской литературы не только две основных ветви – высокую и массовую, но упоминать и третью – старообрядческую.

Наряду с такими примерами «консервации» целой системы книжности привлекает внимание и история отдельных жанров древнерусской словесности, которые сохранялись и продолжали развиваться в постдревнерусскую эпоху. Здесь прежде всего имеет смысл вести разговор о жанрах жития и церковной проповеди («слова» и «поучения»), наиболее представительных в аспекте нашей темы в связи со своей принадлежностью к сфере церковной деятельности. В связи с исследованием написанных в XX в. житий в плане развития древнерусского житийного канона следует отметить докторскую диссертацию М.М. Лоевской «Русская агиография в культурно-историческом контексте переходных эпох» (М., 2005), в которой, в частности, отмечается: «В связи с возрождением жанра агиографии в конце XX – начале XXI столетий встала задача научного освоения новонаписанных житийных текстов в их неразрывной связи с многовековой агиографической традицией»⁸. В центре внимания в диссертации оказываются старообрядческие жития XVII-XVIII вв. и жития новомучеников и исповедников Российских (анализируется и, фактически, вводится в научный оборот около 1000 текстов), но исследование ведется на чрезвычайно широком историко-литературном фоне, включающем в себя «эволюцию жанровых структур, художественных принципов и различных средств изобразительности в общем развитии древнерусской агиографии»⁹.

В некоторых случаях обобщающее исследование бытования того или иного жанра в новое время осуществляется на стыке литературоведения и фольклористики, как, например, это сделано в работе А.В. Пигина «Видения потусто-

ронного мира в русской рукописной книжности» (СПб., 2006), предметом которой является рассмотрение истории жанра «видения» – рассказа о путешествии души по загробному миру – на протяжении XV-XX вв. Названная монография интересна еще и тем, что позволяет сопоставить бытование древнерусского жанра в старообрядческой и православной – как монастырской, так и «прихромовой» – среде.

Наконец, возможен еще один аспект этой темы, связанный с исследованием эволюции читательского сознания, особенностей читательского менталитета в зависимости от эпохи и среды, постепенного становления нового типа взаимоотношений между автором и читателем и между текстом и читателем и т.д. Так, применительно к литературе XVIII столетия довольно часто обсуждается вопрос о том, что очень многие древнерусские произведения дошли до нас в сборниках именно XVIII в. прежде всего потому, что в это время в определенной читательской среде сохранялась ориентация прежде всего на древнерусскую литературную систему. Нам уже приходилось обращать внимание на то, что состав рукописных сборников середины XVIII в. производит на современного читателя подчас весьма парадоксальное впечатление, которое лучше всего подтверждается названием одного из рукописных сборников из фонда ИРЛИ (ф. 265, оп. 3, № 9): «Книга называемая Когда что попало, собрана на Руси, в Крыму, в Молдавии, в Валахии, в Польше, на Волыне и Литве как бы сказать с немалыми хлопотами». Наш опыт исследования светской рукописной традиции 1730-1750-х гг. позволяет сказать, что в пределах одной книги зачастую объединялись оригинальные и переводные, стихотворные и прозаические, эпические, лирические и драматические, «полезные» и «неполезные, а также весьма разновременные по периоду создания произведения. Происходило же это прежде всего потому, что рукописная литература, которая, несмотря на распространение книгопечатания, продолжала играть важную роль в недворянской и провинциальной читательской среде, ассоциируясь с предшествующим типом книжности, но в то же время не могла противостоять и влиянию современной высокой словесности. Показательно, что авторские произведения XVIII в., попадая в эти сборники, подчиняются закономерностям, определяемым контекстом: имена авторов, как правило, утрачиваются, возможна редакторская правка переписчика или записывание по памяти. Все эти признаки были характерны для древнерусской литературной системы. Поэтому реконструкция менталитета русского демократического чи-

тателя XVIII в., основой для которой может стать анализ состава рукописных сборников этого времени, может быть признана также одним из перспективных направлений исследования рассматриваемой темы.

Таким образом, тема, условно обозначенная нами как «древнерусская литература в постдревнерусскую эпоху», на сегодняшний день уже имеет определенную историю в науке, но в то же время предоставляет интересные возможности будущим исследователям. Изучение различных аспектов этой темы важно не только для развития медиевистики, но и для осмысления основных закономерностей литературного процесса и эволюции поэтики на протяжении последних трех веков.

Еще одна проблема, которая привлекает все более пристальное внимание исследователей, связана с авторским началом. Одним из свойств древнерусской литературы как литературы средневекового типа традиционно считалась анонимность. Эта черта обычно связывалась с характерными для средневековых литератур представлениями о необходимости смирения как одной из главных человеческих добродетелей и о роли Творца в процессе создания текста, о коллективном начале как основе древнерусского литературного творчества, о сложном взаимодействии в литературном процессе того времени таких действующих лиц, как автор, редактор, переводчик, переписчик и т. д. Казалось бы, действительно, среди древнерусских произведений большинство составляют тексты, не сохранившие сведений об авторах. Но вопрос о том, означает ли это, что проблема автора применительно к древнерусской литературе не имеет права на существование, в последнее время становится все более и более дискуссионным.

Специфика авторского начала в литературе Древней Руси чаще всего становится предметом анализа в случае убедительно атрибутированных текстов. Достаточно много написано об авторском самосознании протопопа Аввакума¹⁰, о специфике творчества Ивана Грозного¹¹, о личностном начале в путевых заметках Афанасия Никитина¹² и т. д. Из работ последних лет, имеющих обобщающий характер, следует назвать монографию Е.Л. Конявской, посвященную особенностям авторского самосознания древнерусского книжника в ранний период¹³. Исследовательница рассматривает как теоретический аспект проблемы (разночтения, существующие вокруг определения «авторский комплекс», христианские основы традиционности авторской топики, коллективность как кате-

гория, характеризующая не столько автора, сколько адресат литературного произведения и т. д.), так и конкретный историко-литературный материал (разделы, посвященные Нестору-агиографу, Владимиру Мономаху, игумену Даниилу, Симону и Поликарпу, Епифанию Премудрому, иноку Фоме). Е.Л. Конявская намеренно ограничивает свое исследование материалом XI-XV в., видя в XVI столетии новый этап развития эстетического сознания древнерусского книжника. Одновременно отмечается, что «исследование этого феномена (авторского самосознания древнерусского книжника. – А.А.) находится пока в начальной стадии. Еще предстоит проанализировать целый ряд памятников ... выработав принципы подхода к произведениям, дошедшим до нас в редакциях, далеких от первоначального авторского оригинала»¹⁴.

Наряду с рассмотренными исследовательскими подходами, решающими проблему авторства древнерусских текстов в традиционных для медиевистики методологических категориях, существуют и неожиданные точки зрения, отчасти, как представляется, проецирующие на древнерусскую книжность современные представления об аспектах, составляющих основу психологии писательского творчества. Таково, например, рассуждение В.Н. Топорова о предисловии Епифания Премудрого к «Житию Сергия Радонежского». Этот текст, содержащий пространные рассуждения о причинах, побудивших Епифания взять на себя смелость рассказать о святом подвижнике, а также о психологических трудностях, связанных с этим решением, исследователь называет «одним из ранних и одновременно лучших в древнерусской литературе образцов самоанализа, точного, пронизательного, представленного в высокохудожественной форме и вместе с тем в высокой степени достоверного и внутренне убедительного»¹⁵.

Все эти исследования объединяет одна общая черта: они посвящены произведениям, авторство которых на сегодняшний момент в достаточно определенной степени установлено, и которые, таким образом, можно связать с неким конкретным именем, пусть даже по большей части без традиционной для литературы нового времени биографии между двумя датами.

Более интересной и многообещающей нам представляется другой подход к данной проблеме. В целом ряде работ категории, входящие в «авторский комплекс» рассматриваются применительно к произведениям, дошедшим до наших дней без указания имени автора. Наиболее яркий пример – огромное количество исследований, посвященных проблеме автора «Слова о полку Игореве», самого

загадочного из древнерусских памятников¹⁶. Среди них особое место, как представляется, занимает статья Д.С. Лихачева, опубликованная в 1993 г. под весьма характерным заголовком – «Каким был автор «Слова о полку Игореве»?»¹⁷ В работе, полемически направленной против огромного количества трудов, якобы «решающих» вопрос о том, кто был автором «Слова», исследователь ставит проблему по-иному и считает необходимым как можно более полно охарактеризовать, опираясь на данные самого текста, его автора, имя которого, увы, но обречено остаться неизвестным.

Таким образом, оказывается, что постановка проблемы автора применительно к древнерусским текстам оказывается столь же возможной, актуальной и перспективной, как и в случае литературы Нового времени, а предлагаемые решения чрезвычайно обогащают историко-литературные и теоретические представления о динамике литературного развития.

Особой эпохой в истории категории авторства в Древней Руси следует, видимо, считать XVII век – период во всех отношениях переломный, находящийся на стыке эпох и вбирающий в себя практически в равной степени как «старое», так и «новое». В связи с выделенными подходами к исследованию проблемы автора в древнерусских текстах можно сказать, что XVII столетие дарит приверженцам каждого из них яркий и богатый материал.

Конечно, это период, когда впервые в истории русской литературы появляются профессиональные писатели, отношение которых к писательскому труду основывается не столько на принадлежности к определенному сословию (прежде всего, разумеется, к монашескому), сколько на осознанном выборе именно этого рода деятельности как такового. Этот выбор, как и более конкретные жанровые и стилистические предпочтения, – во многом по традиции – заслуживают обоснования в глазах потенциального читателя. Общеизвестно, что протопоп Аввакум, оправдывая решение говорить про свое «житие», ссылается на Деяния св. Апостолов и Послания св. апостола Павла: «апостоли о себе возвещали же»¹⁸! Столь же широко известно, что оппонент Аввакума, представитель совершенно другой «школы», «латинствующий» просветитель Симеон Полоцкий, оправдывая свое дерзновение переложить силлабическими стихами Псалтырь, ссылаясь на ритмику древнееврейских псалмических текстов и фактически взывая к авторитету царя Давида. Поставленные рядом, эти два факта говорят, конечно же, еще не о системе (для этого их слишком мало), но об опре-

деленной тенденции, в равной степени затронувшей двух наиболее значительных писателей русского XVII столетия. Мы видим здесь, как трансформируется традиционный для древнерусского книжника прием апелляции к тексту Священного Писания. Ранее библейский текст служил авторам оправданием своего дерзновения взяться за перо вообще (общее место житийного канона – пересказ во вступительной части агиографического сочинения евангельской притчи о рабе, зарывшем в землю талант, и вытекающее отсюда демонстративное нежелание автора уподобиться этому ленивому рабу), основой для уподобления героев повествования тем или иным лицам, упоминаемым в Библии, с целью расстановки однозначных оценочных акцентов или ориентиром в сложной ситуации, когда цитата заменяет собственные логические рассуждения. Теперь целью аналогии является проведение отчетливой параллели между автором и действующими лицами священной истории, которые начинают восприниматься прежде всего как «образцовые» писатели (разумеется, в максимально широком смысле этого слова). Таким образом, отсылка к Писанию становится фактом осознания роли, цели, задач литературного творчества и средств их художественного воплощения.

Не менее интересна в русле данной темы так называемая демократическая литература, рассчитанная на массового читателя. Как уже говорилось, хронологические рамки этого явления можно продлить по крайней мере до начала второй половины XVIII в. Для этих произведений продолжает быть характерной анонимность. В XVII в. обозначающая одну из ветвей традиции, в XVIII в. она становится чертой, отчетливо маркирующей именно этот вид литературного творчества. Таким образом, здесь нельзя не усмотреть сознательную авторскую позицию, вытекающую из поставленных целей и задач; как отмечал Д.М. Буланин, «анонимность становится опознавательным признаком определенного рода текстов»¹⁹. Как уже отмечалось, в рукописных и печатных сборниках середины и даже второй половины XVIII в. довольно часто встречаются стихотворения, принадлежащие писателям «первого ряда» (М.В. Ломоносову, А.П. Сумарокову, И.И. Хемницеру и др.), но здесь они утрачивают сведения об авторах и таким образом «подгоняются» под тот тип литературы, который является привычным для массового читателя.

Как представляется, с этой же тенденцией связаны явления, когда автор того или иного произведения характеризуется максимально обобщенно. Ярким

примером может служить сохранившееся всего в одном из известных нам на сегодняшний день сборников русских стихотворных фацетов (1730-1750-е гг.) заключение: «Конец сим жартам забавным, // *отставным подканцеляристом* на виршу изданным» (курсив мой. – А.А.)²⁰. Автор здесь по-прежнему остается безымянным, но читателю сообщается его социальный статус. Учитывая ту среду, в которой наиболее активно бытовали тексты такого рода во второй половине XVIII века, эта характеристика автора приближала его к его потенциальным читателям, среди которых были «и тогдашние ученые, и учащиеся в различных школах, офицеры, канцеляристы, подканцеляристы, посадские грамотники»²¹. Отметим, что, начиная со второй половины XVII в., характеристика героя через социальный статус становится едва ли не преобладающей в литературных произведениях, читающихся в массовых кругах. В середине XVIII в., как мы можем видеть, в некоторых случаях она распространяется и на автора.

Однако даже такая обобщенная характеристика автора не может служить препятствием для реконструкции круга его литературных, тематических и бытовых представлений и приоритетов. Так, в случае стихотворных фацетов исследователями выделяется четыре группы текстов: два цикла «забавных», «увеселительные» и «фигурные» жарты²². Они различаются собственно набором текстов, их источниками, тематикой, структурой (например, наличием или отсутствием заключающей текст «притчи» - дидактического вывода), наконец, можно говорить об отличиях даже на уровне лексики и стилистики. Из всего этого можно представить за каждым из циклов не просто безымянного «отставного подканцеляриста» (это, видимо, вполне устраивало читателей XVIII столетия, но уже не может быть принято исследователями XXI в.), а личность со сложившимся кругом литературных и языковых предпочтений, реализовавшихся в этих текстах.

Таким образом, как представляется, и в плане исследования конкретных текстов, и в плане обобщения, проблема авторства в древнерусской литературе до сих пор не может считаться окончательно изученной и предоставляет разнообразные возможности для дальнейших разысканий. Следует считать перспективными существующие сегодня работы в этой области, характеризующиеся как стремлениями дополнить сведения о менталитете известных древнерусских писателей, так и желанием составить хотя бы самое общее представление о психологическом облике, тематических пристрастиях, круге чтения, особенностях

мировоззрения и т. д. тех авторов, имена которых обречены остаться неизвестными, а социальный статус – понятным лишь в самых общих чертах. Работы такого рода чрезвычайно важны для исторического подхода к проблеме психологии художественного творчества. Кроме того, они позволяют нам – людям другой эпохи и другой ментальности – живее и отчетливее представить себе образ мыслей человека книжной культуры того далекого времени, что совершенно необходимо для реконструкции процесса внутреннего развития литературы. Исследование этого аспекта интересно также и с междисциплинарной точки зрения, т. к. должно опираться не только на собственно литературоведческие, но и на психологические научные разработки.

Таким образом, оказывается, что постановка проблемы автора применительно к древнерусским текстам оказывается столь же возможной, актуальной и перспективной, как и в случае литературы Нового времени, а предлагаемые решения чрезвычайно обогащают историко-литературные и теоретические представления о динамике литературного развития.

Из всего сказанного очевидно, что русская медиевистика в настоящее время представляет собой развивающуюся научную дисциплину, опирающуюся на богатые традиции и одновременно – пересматривающую некоторые традиционные подходы и не чуждающуюся новаций.

¹ Щербенок А. История литературы между историей и теорией: история как литература и литература как история. // Новое литературное обозрение, 2003, № 59.

² Ужанков А.Н. Стадиальное развитие русской литературы XI – первой трети XVIII века: Теория литературных формаций. Дис... д-ра филол.н. М., 2005. С. 20-21.

³ История древнерусской литературы: Аналитическое пособие. М., 2008.

⁴ Пауткин А.А. Специфика средневековой книжной культуры и «литературная карта» Древней Руси // Acta Philologica: Филологические записки. 2007. Вып. 1. С. 85.

⁵ Растягаев А.В. Агиографическая традиция в русской литературе XVIII в. (Кантемир, Тредиаковский, Фонвизин, Радищев). Самара, 2007. С. 61.

⁶ Растягаев А.В. Указ. соч. С. 359.

⁷ Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. Т. 1-2. М., 2002. Т. 1. С. 12-13.

⁸ Лоевская М.М. Русская агиография в культурно-историческом контексте переходных эпох. Автореф. дис...д-ра культурологии. М., 2005. С. 7.

⁹ Лоевская М.М. Указ. соч. С. 7.

¹⁰ См., например: Демкова Н.С. К вопросу об истоках автобиографического начала в Житии протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Т. 24. М.; Л., 1970; Меркулова М.А. Речевая структура образа автора в Житии протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1978.

¹¹ См., например: Калугин В.В. Литература и письменность в представлении древнерусского писателя (Грозный и Курбский) // Филологические науки. 1994. № 1; Каравашкин А.В. Русская средневековая публицистика: проблема творческой индивидуальности (Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук. М., 2001.

¹² См., например: Адрианова-Перетц В.П. Афанасий Никитин – путешественник-писатель // Хождение за три моря Афанасия Никитина. М.; Л., 1958.

-
- ¹³ Конявская Е.Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.). М., 2000.
- ¹⁴ Конявская Е.Л. Указ. соч. С. 195.
- ¹⁵ Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 2. Три века христианства на Руси (XII-XIV вв.). М., 1998. С. 363.
- ¹⁶ Наиболее репрезентативное изложение истории изучения этой проблемы и основную библиографию по теме см.: Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. СПб., 1995. С. 24-36.
- ¹⁷ Лихачев Д.С. Каким был автор «Слова о полку Игореве»? // ТОДРЛ. Т. 48. СПб., 1993. С. 26-30.
- ¹⁸ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Архангельск, 1990. С. 63.
- ¹⁹ История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. 1. Проза. СПб., 1995. С. 49.
- ²⁰ РГБ, Унд. № 904. Л. 39.
- ²¹ Кокорев А.В. Русские стихотворные фацеции XVIII века // Старинная русская повесть. М., 1941. С. 219.
- ²² Малэк Э. Сюжеты русских стихотворных жарт XVIII века // Tradycja i invencja. Wątki i motywy obiegowe w dawnych literaturach słowiańskich. Łódź, 1999. С. 149.